
Ю. А. ЗЕЛЕНЕЕВ

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ГОРОДА ПОВОЛЖЬЯ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, ВРЕМЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Собственно золотоордынская культура сложилась в городах степи, но ее синтез из различных культурных традиций не был завершен полностью. До настоящего времени есть разные мнения об источниках и путях формирования золотоордынских городов и главного маркера культуры Золотой Орды – красноглиняной гончарной золотоордынской керамики. Мусульманская культура Переднего Востока во многом определила векторы развития городской культуры Золотой Орды в первой половине XIV в., но не поглотила полностью другие этнокультурные компоненты, которые по-разному и в разных объемах проявлялись в центральной части Орды и на ее окраинах. Короткий период расцвета нижневолжских золотоордынских городов определяет и трудности с их идентификацией.

В Нижнем Поволжье в дозолотоордынское время существовали города Волжской Болгарии и Саксин (Суммеркент?). После возвращения в 1243 г. Бату из Центральной Европы начинается медленное возрождение городской жизни в Поволжье, в первую очередь как возникновение поселений городского или протогородского типа вокруг ханских ставок. Наиболее рано, возможно, уже с 1243 г., начинается восстановление Булгара. Затем в 1254 г. появляется Сарай. После него основывается Укек.

Мнение о том, что отмечаемый Рубруком поселок перевозчиков через Волгу можно отождествить с Укеком, довольно спорно, так как традиционными местами переправ через Волгу являлись переправы у Царицына (в районе переволки) и на Самарской Луке. Другие доказательства соотнесения данного поселка с Укеком также пока недостаточно убедительны. Более приемлемым для определения даты существования Укека является упоминание Марко Поло о посещении города или поселка Укека его родственниками предположительно в начале 60-х гг. XIII в. (Поло 1997: 193).

Видимо, к концу XIII в. можно отнести возникновение города, остатками которого является Водянское городище (Бельджамен). Остальные золотоордынские города Поволжья основываются позднее.

Нижнее Поволжье по совокупности нескольких причин становится урбанистическим центром империи. К ним относятся наличие в этом регионе удобной для кочевников экологической ситуации и прохождение здесь важнейших торговых путей, которые вполне можно квалифицировать как трансконтинентальные. Но основной причиной образования нижневолжского золотоордынского города была административная необходимость его существования (Фёдоров-Давыдов 1997: 93).

Палеоэкологи считают, что период XIII–XIV вв. представлял собой климатический оптимум для степей Дешт-и-Кипчака (Рысков и др. 2006: 60). Это подтверждается и письменными источниками. Так, Джузджани писал, что «когда Туши (Джучи. – Ю. З.), старший сын Чингис-хана, увидел воздух и воду Кипчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих» (Тизенгаузен 1941: 14).

Ранние золотоордынские города Поволжья создавались в монгольской этнокультурной традиции. Исключение составляет только Булгар, в котором, несмотря ни на что, сохранились традиции предшествующего времени.

Возникшие в Нижнем Поволжье Сарай и Укек в XIII в. представляли собой скопление юрт и кибиток и в редком случае – стационарные жилые сооружения. Именно так выглядели города степняков и в это время, и в предшествующий период. Во многом именно с этим связано то, что до настоящего времени ни в одном из городов Нижнего Поволжья (кроме Булгара) не выявлено слоев XIII в. И вероятность их нахождения очень мала. Культурный слой таких городов нарастал очень медленно и был очень тонок. Возможно, что он затем полностью разрушался в результате интенсивной хозяйственной деятельности в первой половине XIV в. К тому же степной город XIII в. был исключительно подвижным и, состоя из юрт и повозок, мог ежегодно перемещаться в пространстве, что также не способствовало наращиванию культурных напластований.

Стационарность города появлялась при отхождении от степных традиций градообразования. Показателен в этом отношении пример Водянского городища (Бельджамен). Ранний поселок, положивший начало этому городу, являлся русским – с русскими зем-

лянками и остальными элементами культурного комплекса. Слои с общеордынским культурным комплексом, как хорошо показывает Е. П. Мыськов, датируются не ранее начала XIV в. Для других городов наличие слоев даже начала XIV в. весьма проблематично.

Динамика развития золотоордынского градостроительства, предложенная в свое время В. Л. Егоровым, нуждается в определенном уточнении для городов Нижнего Поволжья (Егоров 1985: 77). Не вызывает сомнения выделенный первый этап: 40-е гг. XIII в. – восстановление и использование старых городов. Второй этап, первая половина 50-х гг. XIII в., – начало градостроительства – также существовал, с одной оговоркой: в это время началось создание одного города – Сарая (в 1254 г.), что очень четко фиксируется Рубруком. Третий этап, выделенный В. Л. Егоровым (вторая половина 50-х – начало 60-х гг. XIII в. – подъем градостроительства), отсутствует, так как в это время не появляются новые города, да и уже существующие развиваются довольно медленно. Этот период и следующий, по В. Л. Егорову, четвертый (70-е гг. XIII в. – начало XIV в.) следует объединить в один, сохранив за ним название «замедленный рост городов». В третьем периоде (вторая половина 60-х гг. XIII в. – начало XIV в.) появляются города Укек и Бельджамен. Следующий период является четвертым (начало – середина XIV в.) – расцвет градостроительства. Последний, пятый, период – затухание и упадок городской жизни – начинается с 60-х гг. XIV в., но продолжался он не до 1395 г., а вплоть до конца XV в., так как жизнь в нижеволжских городах продолжалась и в это время, и есть некоторые основания говорить, что и позднее здесь было население. Приблизительно такую же схему хронологического развития золотоордынского градостроительства поддерживают и авторы учебного пособия по археологии золотоордынских городов Нижнего Поволжья В. Г. Блохин и Л. В. Яворская (Блохин, Яворская 2006: 40). О том, что развитие золотоордынских городов шло намного сложнее предложенной схемы и по-разному на различных территориях Орды, пишет Г. А. Фёдоров-Давыдов (1994: 16). Правда, нужно учитывать, что В. Л. Егоров давал динамику развития городов на всей территории Золотой Орды, а не только на территории Поволжья, на которой мы акцентируем внимание в данном случае.

Отметим, что на золотоордынских городищах Нижнего Поволжья в подавляющем большинстве раскопаны слои и сооружения, относящиеся к XIV в. Слоев и сооружений XIII в. не выявлено ни на одном из них за исключением Булгарского городища. Более того, раскопки второй половины XX в. и начала XXI в. на золотоордынских нижеволжских городищах и негородских поселениях довольно четко показывают, что основное время их существования – начало – середина XIV в. При этом наиболее интенсивная жизнь в них проходила в периоды правления Узбека и Джанибека. Правда, и от периода после 60-х гг. XIV в., и даже от XV в. на некоторых из этих памятников имеются и слои, и сооружения, но их немного, и они являются документальным подтверждением наступившего упадка. Короткое время – с начала XIV в. до его середины – было не только временем расцвета, но и зачастую просто временем существования золотоордынских населенных пунктов в Нижнем Поволжье.

По-видимому, временем начала упадка нижеволжских золотоордынских городов является системный кризис этого государства, начавшийся в середине XIV в. К этому времени происходит оскудение пастбищ Дешт-и-Кипчака, что повлекло упорную борьбу за них. Как это ни парадоксально, причиной кризиса стала прежняя зажиточность. В XIII–XIV вв. в Нижнем Поволжье резко увеличивается количество населения и скота, что приводит к антропогенному воздействию на пастбища и «антропогенной аридизации» ландшафтов. То есть к середине XIV в. произошли вытаптывание пастбищ и смена состава растительности на более аридные варианты (Рысков и др. 2006: 62). А это повлекло за собой кризис всего кочевого, да и оседлого, хозяйства Золотой Орды, что в политическом отношении выразилось в событиях «великой замятни».

Г. А. Фёдоров-Давыдов на примере постепенной деградации зажиточных усадеб на Селитренном городище характеризует упадок города, который в 70-х гг. XIV в. стал вполне явственным. Обе раскопанные здесь большие усадьбы погибли не позднее 70-х гг. XIV в. (Фёдоров-Давыдов 1997: 96).

Короткий период расцвета нижеволжских золотоордынских городов определяет и трудности с их идентификацией. Так как наибольшая часть находок датируется временем Узбека – Джаныбека, есть сложности в определении местонахождения столиц Орды

– городов Сарай и Сарай ал-Джедид, что и порождает периодически возникающие дискуссии по этому вопросу.

Как уже говорилось, нижеволжские города Золотой Орды возникают в соответствии с традициями, существовавшими у монголов в Центральной Азии. Некоторые из этих традиций довольно быстро отмирают, но некоторые сохраняются и в период, когда города имеют уже в основном мусульманский облик. Особенно это касается стремления знати подчеркнуть свое отличие от населения страны, несмотря на то, что по всем данным золотоордынская верхушка в XIV в. перешла на язык Дешт-и-Кипчака, а в культурном отношении явно являлась носителем симбиозной – мусульманско-кочевнической – культуры. Тем не менее отуреченные ханы и их такое же окружение даже в XIV в. считали себя Великими Моголами. Города Золотой Орды делились в первой половине XIV в. на торгово-ремесленную часть с квартально-уличной застройкой и свободно стоящие усадьбы зажиточного населения. Такая планировка особенно отчетливо фиксируется на Царевском (Сарай ал-Джедид) и Наровчатском (Мохши) городищах. Г. А. Фёдоров-Давыдов отмечал, что ввиду хорошо сохранившегося микрорельефа планировка Царевского городища сильно напоминает планировку Каракорума (Фёдоров-Давыдов 1997: 99).

Планировка домов знати сохраняет традиции монгольского домостроительства. Так, оба наиболее крупных дома-дворца, расположенных на Селитренном городище, имели вход с юга, а трон хозяина – на севере с обращением на юг, то есть так же, как у великого хана в Каракоруме XIII в. (Там же: 96–97).

Существуют причины, резко изменившие этнокультурный облик поселений Нижнего Поволжья с начала XIV в. Если до этого времени основными градостроительными традициями были монгольская (Сарай) и местные, болгарская (Булгар) и русская (Бельджамен), то с начала XIV в. все более возрастающую роль начинает играть мусульманская градостроительная, да и вообще культурная традиция, связанная с Передним и Средним Востоком.

Серьезные этнокультурные изменения, которые начинаются в Золотой Орде в это время, невозможны без носителей культурных инноваций. Такими людьми были пленные, выводимые ордынцами из Восточного Закавказья, Северного Ирана во время практически постоянных войн с хулагидами в первой половине XIV в. (Фёдоров-Давыдов 1994: 16). Были походы и в Среднюю Азию, но нужно

учитывать, что в предмонгольское время Средняя Азия в большей своей части находилась в зоне иранского культурного влияния, чему способствовала языковая близость населения этих регионов в то время. Надо отметить, что еще Ф. В. Баллод писал о том, что мусульманское искусство нижневолжских городов является частью некоего общего мусульманского искусства (Баллод 1923). Именно это население резко изменило весь культурный облик нижневолжских городов. Появляется квартально-уличная их застройка стационарными жилищами – от землянок до кирпичных наземных жилищ. Начинает складываться структура типичного мусульманского города с мечетью и базаром, которые постепенно формируют центральную часть города, а аристократические усадьбы, таким образом, оказываются как бы за его пределами.

Г. А. Фёдоров-Давыдов вслед за С. В. Киселёвым определял термином «усадебно-квартальная застройка города» наличие в золотоордынских городах первой половины XIV в. улично-квартальной планировки торгово-ремесленной его части и свободно расположенных аристократических усадеб (Фёдоров-Давыдов 1994: 14–15). Совсем иную схему в своих работах предлагает Э. Д. Зиливинская, которая считает дворы горожан усадьбами (Зиливинская 2008: 44).

На мой взгляд, появление оборонительных систем вокруг ордынских городов связано не только с усилением военной опасности, но и с появлением населения, для которого обнесение города укреплениями являлось традиционным способом его защиты. Вполне возможно, что появившиеся в середине XIV в. оборонительные системы вокруг населенных пунктов как раз и подчеркивают их городскую принадлежность, так как укреплять незначительные поселки было накладно, да и просто невозможно из-за отсутствия должного количества трудовых ресурсов.

Появление нового населения подтверждается и продолжающимися изменениями культурного комплекса. К ним нужно отнести появление большого количества кашинной керамики, имеющей, скорее всего, иранское происхождение. Иранизмы появляются даже в названиях городов – Гюлистан, Шехр ал-Джедид (Фёдоров-Давыдов 2003: 29). В богатом здании на Селитренном городище

среди настенной росписи помещены персидские стихи (Фёдоров-Давыдов 1997: 97).

Мусульманская культура Переднего Востока во многом определила векторы развития городской культуры Золотой Орды в первой половине XIV в., но не поглотила полностью другие этнокультурные компоненты, которые по-разному и в разных объемах проявлялись в центральной части Орды и на ее окраинах.

Появление нового – мусульманского – населения в поволжских районах Золотой Орды приводит и к изменению эстетических вкусов в этом регионе. Только этим можно объяснить появление в большом количестве поливной керамики с переднеазиатскими орнаментальными традициями.

Поливная керамика поволжских городов Золотой Орды, по мнению различных исследователей, имеет хорезмское или иранское происхождение, что вполне справедливо. Но, на мой взгляд, нужно учитывать замечание В. Ю. Ковалева о том, что в предмонгольское время Средняя Азия в культурном отношении была очень тесно связана с Ираном, что породило появление зачастую одинаковых культурных комплексов в материальной культуре этих регионов.

Некоторые культурные элементы одинаковы и для Средней Азии, и для Ирана. Например, стеклянные туваки (Бусятская 1976: 52). Анализ стекла из мастерской Селитренного городища показал, что часть его производилась в традициях ближневосточного стеклоделия, а часть, как пишет автор исследования, – в среднеазиатской традиции, но присущей всему Востоку (Там же: 60). Термин «Восток» здесь, как и в понимании многих других авторов, не вполне ясен, но в контексте подразумевается Передний и Средний Восток.

В первой половине XIV в. сложился керамический комплекс золотоордынских городов, который иногда называют главным маркером, определяющим культуру Золотой Орды. В настоящее время есть много мнений об источниках и путях формирования красноглиняной гончарной золотоордынской керамики, но, как отмечал Г. А. Фёдоров-Давыдов в одной из последних своих работ, этот вопрос пока не имеет удовлетворительного решения. При этом он считал, что керамический комплекс имеет смешанную этнокультурную традицию, и полагал, что на золотоордынской территории нет прямых прототипов керамики, которую мы характеризуем как

золотоордынскую. Упрощенные схемы, выводящие этот комплекс или из Волжской Болгарии, или со Среднего Дона, не могут объяснить всего многообразия этнокультурных истоков золотоордынской керамики (Фёдоров-Давыдов 2001: 202).

На мой взгляд, происхождение всех видов красноглиняной керамики имеет свои корни в античной керамике Восточного Средиземноморья и Причерноморья. Другое дело, что каждый конкретный тип красноглиняной керамики в Средние века прошел свою конкретную историю.

Так, тарная керамика Золотой Орды имеет много общего с аналогичной посудой Закавказья. Хумы ордынских городов, на которых было перенесено название аналогичной среднеазиатской посуды, сходны с кюпами Азербайджана и карасами Армении. Большие тарные кувшины в предзолотоордынский период были распространены в городах Закавказья. Туваки (суваки, сунаки) представлены в XI–XII вв. во многих городах Закавказья (Тбилиси, Двин, Орен-Кала). В Средней Азии такие сосуды появляются с IX в. Кувшины-афтоба также в XI–XIII вв. были распространены в Закавказье и Средней Азии. Также можно говорить о наличии прототипов для неполивных чаш на поддоне и поливных чаш-пиал в материалах XI–XIII вв. Орен-Калы и Двина. Различные типы альбарелло были широко распространены в Восточном Средиземноморье с предмонгольского периода. То же самое можно сказать и о чашах с зеленой поливой и росписью ангобом и о чашах и мисках с желтой поливой и с граффито (данные по керамике взяты из работ С. А. Курочкиной).

Естественно, нельзя выводить прототипы этих форм только из Закавказья, но одно из направлений формирования основ материальной культуры прослеживается достаточно четко.

На окраинах региона вместе с общеимперскими культурными процессами отмечаются и свои региональные тенденции развития культуры. Так, в Булгаре появляется керамика, связанная с Хорезмом. В то же время здесь появляется тюрко-угорская керамика, распространенная в домонгольский период в восточной части Волжской Болгарии. Заметно увеличивается количество русской посуды. Происходит дальнейшее смешение культурных традиций болгар и болгар-сакетимов. Н. А. Кокорина, рассматривая керамическое производство Булгара золотоордынского периода, подчер-

кивает, что сохранились все этнокультурные группы в керамике, существовавшие в домонгольский период, с добавлением вышеперечисленных компонентов (Кокорина 1997).

Нельзя пройти и мимо того факта, что строительство мечетей, этого важнейшего элемента мусульманской культуры, имеет определенные ближневосточные корни (Зиливинская 1998: 34).

Иногда за культуру Золотой Орды принимается культура только золотоордынских городов. Но она не отражает всего многообразия культурных традиций, существовавших в этом государстве, хотя ее роль была очень велика, особенно в XIV в.

Эта «собственно золотоордынская культура» сложилась в городах степи, но ее синтез из различных культурных традиций не был завершен полностью. Как считал Г. А. Фёдоров-Давыдов, этот вопрос является наиболее важным в изучении золотоордынской культуры (Фёдоров-Давыдов 1997: 101).

Культура золотоордынских городов Поволжья сыграла определенную роль в формировании культурных традиций образовавшихся в постордынское время тюркских государств Поволжья – Казанского и особенно Астраханского ханств.

Таким образом, во второй половине XIII в. в Поволжье появляются несколько городов, созданных в традициях степного градостроительства с элементами местной градостроительной традиции. В первой половине XIV в. происходит быстрое разрастание ранее существовавших городов, возникновение новых и появление многочисленных оседлых поселений в их округе. Время их наивысшего подъема приходится на периоды правления Узбека и Джаныбека. Этот период характеризуется сменой градостроительных и культурных традиций и связан с появлением значительного количества переднеазиатского мусульманского населения в Орде.

Затем наступает спад, превратившийся с 70-х гг. XIV в. в упадок. Кроме объективных причин, приведших к кризису (оскудение пастбищ, политическая нестабильность, возникшая на этой почве, и как результат ее – развал международной торговли), сказался и субъективный фактор, а именно – отсутствие «ориентации руководства на быстрый процесс межэтнического экономического и культурного взаимодействия» (Кульпин 2006: 62).

Литература

Баллод, Ф. В. 1923. *Приволжские «Помпеи»*. М.; Пг.

Блохин, В. Г., Яворская, Л. В. 2006. *Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья*. Волгоград: Изд-во ВолГУ.

Бусятская, Н. Н. 1976. Стекланные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.). В: Смирнов, А. П., Фёдоров-Давыдов, Г. А. (отв. ред.), *Средневековые памятники Поволжья*. М.: Наука.

Егоров, В. Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв.* М.: Наука.

Зиливинская, Э. Д.

1998. Мечети Золотой Орды (общие принципы планировки). *Материалы и исследования по археологии Поволжья*. Вып. 1. Йошкар-Ола.

2008. Раскопки усадьбы на Красном бугре Селитренного городища. В: Евглевский, А. В. (ред.), *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 6. Донецк.

Кокорина, Н. А. 1997. Основные тенденции развития культуры Волжской Булгарии в золотоордынский период (по данным керамики). *Татарская археология 1*.

Кульпин, Э. С. 2006. *Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства*. М.: КомКнига.

Поло, М. 1997. *Путешествие в восточные страны*. М.: Мысль.

Рысков, Я. Г., Демкин, В. А., Николаев, В. И., Олейник, С. А., Якумин, П. В. 2006. О возможностях идентификации «антропогенной аридизации» ландшафтов в прошлом по изотопным данным. В: Николаев, В. И. (ред.), *Стабильные изотопы в палеоэкологических исследованиях*. М.: Ин-т географии РАН.

Тизенгаузен, В. Г. 1941. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. 2. М.; Л.

Фёдоров-Давыдов, Г. А.

1994. *Золотоордынские города Поволжья*. М.: Изд-во МГУ.

1997. Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Средней Волге. *Татарская археология 1*.

2001. *Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт*. М.: Изд-во МГУ.

2003. *Денежное дело Золотой Орды*. М.: Палеограф.